

На правах рукописи

Уставщикова Варвара Александровна

**РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Г. УЭЛЛСА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. ЛАГИНА**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород – 2019

Работа выполнена на кафедре русской литературы ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный руководитель:

доктор филологических наук
Коровашко Алексей Валерьевич

Официальные оппоненты:

Поздеев Вячеслав Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», кафедра русской и зарубежной литературы и методики обучения, профессор;

Садовников Аркадий Германович, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова», кафедра русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации, доцент.

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Защита состоится 23 мая 2019 года в 14ч на заседании диссертационного совета Д 999.061.03, созданного на базе ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23) и на сайте: <https://diss.unn.ru/>

Автореферат разослан «15» марта 2019 г. .

Учёный секретарь
диссертационного совета

Юхнова Ирина Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Герберт Джордж Уэллс (1866 – 1946) – писатель, который в значительной степени повлиял на развитие мировой фантастики. Некоторые ученые называют его основоположником современной социальной фантастики в ее привычном для нас виде¹. Нет ничего удивительного в том, что его творчество прямо или косвенно оказало влияние на всю русскую и советскую литературу, и что у этого знакового английского фантаста было много последователей. И если Г. Уэллс известен своим феноменальным новаторством, то в произведениях советского писателя Лазаря Иосифовича Лагина (1903 – 1979), напротив, очень легко обнаружить связи с творчеством других авторов. Поэтому изучение того, как наследие Г. Уэллса нашло отражение в книгах Л. Лагина, неоднократно обращавшегося к сюжетам и образам знаменитого предшественника, выходит за пределы установления частных соответствий, проливая свет на такие общие проблемы, как, например, закономерности межлитературных связей, соотношение исходного текста и его парафразы, специфика фантастической прозы и т.п.

Степень изученности темы. Романы Г. Уэллса и Л. Лагина, ставшие предметом анализа в настоящей работе, относятся к области научной фантастики. Фантастика, рассматриваемая как особое явление художественной литературы, изучена далеко не в полной мере. Вместе с тем уже в советском литературоведении, в частности, в работах Е.П. Брандиса, В. Дмитриевского, А.Г. Громовой, Р.И. Нудельмана, А.Ф. Бритикова, Г. Гуревича, Б. Ляпунова, А.Н. Осипова, Т.И. Чернышевой, предпринимались попытки создать жанровую классификацию научной фантастики, а также определить законы ее исторического развития. При этом следует подчеркнуть, что в изучении отдельно взятых писателей-фантастов отсутствует какая-либо равномерность. Если, например, творческому наследию Г. Уэллса в

¹ Бритиков А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука, 1970. 448 с.

советском литературоведении было посвящено достаточно много работ, среди которых выделяются статьи и книги Ю.И. Кагарлицкого, то фантастические романы Л. Лагина, при всей их востребованности читателями, серьезному анализу практически никогда не подвергались.

Говоря о достижениях зарубежного литературоведения в деле изучения научной фантастики, необходимо упомянуть монографии Ц. Тодорова («Введение в фантастическую литературу», 1970), А. Робертса («Научная фантастика», 2000; «История научной фантастики», 2005). Особое внимание теории фантастики, в том числе и с учетом тех данных, которые дает материал русской фантастической литературы, уделял канадский литературовед и критик Д. Сувин («Метаморфозы научной фантастики», 1977).

Среди современных российских исследователей заслуживает отдельного упоминания Е.Н. Ковтун, которая в монографии «Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа» (1999) и ряде других работ разрабатывает новую актуальную терминологию, способную выразить различные особенности научно-фантастической литературы, а также глубоко и подробно изучает тему условности в искусстве.

В последние годы проблемами межкультурной коммуникации применительно к творчеству Г. Уэллса занимаются Е.С. Манченко, Р.А. Гусейнов, С.А Моркунцов.

Актуальность работы заключается в обращении к одному из наиболее популярных жанров современной литературы, отличающемуся не только высокой социальной активностью и остротой проблематики, но и несомненным эстетическим богатством и активной вовлеченностью в систему духовной жизни общества. В сегодняшнем мире фантастическая литература, как нынешняя, так и относящаяся к более раннему времени, является частью комплекса средств, формирующих мировоззрение людей, их творческую фантазию, способность широко мыслить и оперировать сложными социальными и историческими категориями.

Кроме того, актуальность настоящего исследования обусловлена осуществленным в нем рассмотрением участия фантастической литературы в межкультурных взаимодействиях (в эпоху глобализации жизненно необходимо научиться находить общий язык и точки соприкосновения при контактах разных культур). Взаимовлияние национальных литератур, в свою очередь, тесно связано с проблемой интертекстуальности – по-прежнему одной из наиболее сложных и спорных литературоведческих проблем. Изучение того, как творчество Г. Уэллса нашло отражение в книгах советского писателя Л. Лагина, проливает свет и на многие вопросы литературной компаративистики, такие, например, как функционирование механизмов литературного «импорта» и адаптация заимствованного сюжета к новым реалиям.

Новизна исследования определяется малой степенью изученности советской фантастики как самой по себе, так и взятой в аспекте ее межкультурных связей. Принципиально новым является проведение сопоставительного анализа произведений Л. Лагина и Г. Уэллса, позволяющего выявить сюжетно-композиционные и образные параллели между ними. Стоит отметить, что произведениям знаменитого английского фантаста и изучению воздействия его творчества на позднейшую фантастическую литературу посвящены работы многих ученых, например, главы Уэллсовского общества профессора П. Парриндера, советского литературоведа Ю.И. Кагарлицкого, автора двух фундаментальных монографий по творчеству Г. Уэллса, современных российских исследователей Е.С. Манченко и С.А. Моркунцова, рассматривавших связи его фантастических романов с русской фантастической литературой. Но практически нет исследований, уделяющих сколько-нибудь подробное внимание Л. Лагину, который был не просто одним из последователей Г. Уэллса, но по-настоящему талантливым и оригинальным писателем. В данной работе систематизирована научная и критическая литература, посвященная творчеству Л. Лагина, дана комплексная интерпретация контекстуальности его произведений, выявлен характер обусловленности

их проблематики и поэтики исторической эпохой, господствовавшей в обществе идеологией, личными мотивами и предпочтениями автора, литературной традицией, жанром и пр. Также рассмотрен вопрос о том, как реализуется в творчестве Л. Лагина триада «автор – текст – читатель». С точки зрения комплексного подхода в диссертации выявляются и подробным образом описываются многочисленные «зоны контакта» между произведениями Г. Уэллса и Л. Лагина. Наряду с этим применение к творчеству Л. Лагина ключевых понятий интертекстуальности (ссылка-референция, плагиат, аллюзия, пародия и стилизация) позволило сделать непротиворечивые выводы о специфике авторской манеры писателя, заключающейся в умении заимствовать отдельные элементы чужих повествований с их полной последующей трансформацией.

Исходя из вышесказанного, цель и задачи работы могут быть сформулированы следующим образом:

Цель исследования заключается в сравнении произведений словесного искусства, обладающих одинаковым набором художественных средств, но созданных в разных странах и в разное время, что, в свою очередь, служит выявлению очевидных и скрытых параллелей на разных уровнях повествования и способствует построению типологии литературной рецепции.

Цель работы определяет постановку следующих **задач**:

1) обозначить основные пути межкультурного и межлитературного взаимодействия, найти и выделить специфические признаки данного взаимодействия в творчестве Л. Лагина;

2) проанализировать эволюцию рациональной фантастики в России и определить место английского писателя Г. Уэллса в традиции фантастической литературы нашей страны на примере произведений нескольких авторов;

3) установить степень влияния Г. Уэллса на произведения Л. Лагина, выдвинуть и обосновать гипотезу о том, что их романы связаны не только тематически, но и генеалогически.

Объектом исследования в данной работе является рациональная фантастика и ее межнациональное взаимодействие. **Предметом**

исследования становится влияние Г. Уэллса на развитие «научной» и «социальной» фантастики в России и, в частности, на произведения советского писателя Л. Лагина. Хронологический период исследования: конец XIX в. – середина XX в. В качестве материала исследования были выбраны основные «фантастические» романы Г. Уэллса, а также сборник его публицистических работ, идейно связанных с фантастическими романами; ряд произведений русских авторов, прямо или косвенно попавших под влияние английского фантаста; творчество Л. Лагина, которому уделяется особое внимание.

Наиболее оптимальным решением для подобного исследования является комплексное использование **методологических подходов**, позволяющих сравнить произведения английского и советского писателей с точки зрения условий формирования их взглядов в контексте эпохи. Поэтому культурно-исторический и компаративистский подходы сочетаются в диссертации с методами герменевтического, контекстуального и интертекстуального анализа.

Ее **методологической и теоретической базой** стали обобщающие литературоведческие труды А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, Ю.Н. Тынянова, М.М. Бахтина, Н. Пьеге-Гро, С.И. Сухих и др., а также основополагающие исследования по изучению фантастической литературы, принадлежащие Е.Н. Ковтун, Т.И. Чернышевой, А.Ф. Бритикова, А. Робертса, Д. Сувина, Ю.И. Кагарлицкого, Е.С. Манченко.

Теоретическая значимость данной работы состоит в уточнении содержания ряда литературоведческих понятий («рациональная фантастическая литература», «плагиат», «аллюзия», «ссылка-референция», «стилизация»), обозначении основных путей интертекстуального взаимодействия в пространстве русской литературы и построении типологии литературных заимствований на примере советского писателя, что позволяет использовать данную схему в дальнейшем в применении к творчеству других авторов. Также в диссертации изучены особенности

процесса заимствования и обработки исходного литературного материала, что может послужить основой для последующего контекстуального и интертекстуального анализа как в современной фантастической литературе и в фантастике более ранних эпох, так и в литературе в целом. Выводы по теме исследования могут быть востребованы при изучении особенностей межлитературных связей в диахроническом и синхронном аспектах.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, сделанные в нем выводы и обобщения могут быть использованы как в преподавании общих вузовских курсов («Теория литературы», «История русской литературы», «История советской литературы», «История зарубежной литературы», «Социология культуры»), так и при создании различных спецкурсов по русской фантастике XX века и сравнительно-историческому литературоведению. Результаты диссертации могут также быть привлечены при изучении литературы в средней школе и при издании и комментировании художественных произведений русских и зарубежных авторов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Творчество Г. Уэллса оказало решающее влияние на формирование фантастики логической посылки в русской литературной традиции. Данное влияние прослеживается и в творчестве дореволюционных отечественных авторов, и в произведениях тех писателей, которые следовали канонам официальной советской литературы.
2. Творчество Л. Лагина, автора «Старика Хоттабыча», ассоциируется с детской литературой и зачастую не воспринимается всерьез, хотя остальные книги Л. Лагина, тяготеющие к жанру научной фантастики и социально-политического памфлета и ныне практически неизвестные широкому читателю, характеризуют его как писателя серьезного и глубокого, заслуживающего самого пристального внимания.
3. «Взрослые» романы и повести Л. Лагина содержат острую критику современных им социально-политических проблем, но при этом в полной мере сохраняют свою актуальность и сегодня.
4. Частично заимствуя у предшественников сюжетные и образные схемы, Л. Лагин успешно адаптирует их к иным культурно-историческим условиям, создавая самостоятельные и индивидуально окрашенные

произведения, которые нельзя подвести под категории стандартного «ремейка» и механического подражания.

Степень достоверности результатов проведённых исследований обеспечивается тем, что положения, вынесенные на защиту, базируются на максимально полном изучении и сопоставлении соответствующих текстов, в первую очередь, романов Г. Уэллса и Л. Лагина (всего было подробно проанализировано более 30 литературных произведений крупной формы). Выбор и применение методов исследования, адекватных материалу и поставленным задачам, также гарантирует верифицируемость итогов и выводов диссертации.

Апробация исследования была проведена на конференциях регионального, всероссийского и международного уровня:

- IV Молодёжный межвузовский научно-практический семинар «Литература и проблема интеграции искусств» (Нижний Новгород, 2012);
- XXVI региональная научная студенческая конференция в ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, 2013);
- XXVII региональная научная студенческая конференция в ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, 2014);
- XIX Нижегородская сессия молодых ученых (гуманитарные науки) Международная научно-практическая конференция «Общественные науки: тенденции развития в условиях глобального информационного общества (взгляд молодежного научного сообщества)» (Княгинино, 2014);
- XX Нижегородская сессия молодых ученых (гуманитарные науки) Международная научно-практическая конференция «Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества» (Княгинино, 2015);
- Всероссийская научная конференция молодых ученых с международным участием «Проблемы современной научной фантастики», посвящённая 95-летию со дня рождения Рэя Брэдбери (Казань, 2015);
- VII Всероссийский молодёжный научно-практический семинар с международным участием «Литература и проблема интеграции искусств» (Нижний Новгород, 2015);
- XI Всероссийская научная конференция с международным участием «Жизнь провинции: история и современность. Национальный образ мира в литературе и публицистике: провинциальный контекст» (Нижний Новгород, 2015);

– IV Всероссийская научная конференция с международным участием «Национальные коды в европейской литературе XIX – XXI веков» (Нижний Новгород, 2016);

– Международная конференция «Грехнёвские чтения–XI» («Литературное произведение в системе контекстов») (Нижний Новгород, 2016);

– III Международная научная конференция молодых исследователей «Аксиология славянской культуры» (Нижний Новгород, 2016);

– XXIV Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2017).

– Международная конференция «Грехнёвские чтения–XII» («Литературное произведение в системе контекстов») (Нижний Новгород, 2018).

По результатам исследования было опубликовано 9 статей, в том числе 3 в изданиях, входящих в список ВАК.

Поставленная цель и задачи определяют **структуру работы**, состоящей из введения, основной части, включающей в себя три главы, и заключения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дана общая информация о фантастическом в литературе, его генезисе и границах; освещается степень изученности темы исследования в отечественном и в зарубежном литературоведении; обосновываются актуальность и научная новизна исследования; обозначаются его объект, предмет и материал; формулируются поставленные в нем цели и задачи; характеризуются использованные при их решении методологические подходы; определяется теоретическая и практическая значимость работы; формулируются положения, выносимые на защиту, а также описывается структура диссертации.

В первой главе, «Социокультурный и литературный контексты фантастической прозы Л. Лагина», рассматривается проблема, которая в современном литературоведении остается по-прежнему актуальной и до сих пор однозначно не решённой, – проблема контекстуальности произведения художественной литературы, его зависимости или независимости от исторической эпохи, господствующей в обществе

идеологии, личных мотивов и предпочтений автора, литературной традиции, жанра и т.д.

В первом параграфе – «Методология контекстуального изучения словесных художественных произведений» – охарактеризованы наиболее востребованные подходы к решению проблемы взаимодействия автора, текста, продуцированного им, и читателя-реципиента, воспринимающего данный текст. В каждом из этих подходов (культурно-историческом, сравнительно-историческом, социологическом, формальном, герменевтическом, интертекстуальном) выделены свои достоинства и недостатки. В частности, показывается, что вульгаризация социологического метода превращает художественное творчество в полное отражение действительности, формального метода – полностью от этой действительности отрывает, герменевтического – умаляет роль автора в творчестве и превозносит реципиента, а вульгарно-упрощенный взгляд на интертекст растворяет границы литературного произведения. В противовес этому обосновывается идея о том, что методологический примат одной исследовательской позиции значительно уступает комплексному подходу в рассмотрении художественного творчества. Разновидностью комплексного подхода может считаться подход контекстуальный, который в равной степени учитывает как сугубо литературные, так и внехудожественные факторы, предопределяющие возникновение того или иного произведения. Именно контекстуальный подход должен быть положен в основу изучения рецепции произведений английского писателя-фантаста Г. Уэллса в творчестве советского сатирика Л. Лагина.

Второй параграф – «Дифференциация и типология литературных заимствований в прозе Л. Лагина» – в теоретическом плане строится на основе работы Н. Пьеге-Гро «Введение в теорию интертекстуальности»², где говорится о подчинении форм взаимодействия текстов между собой либо отношению соприсутствия двух или нескольких текстов (цитата,

² Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с.

ссылка-референция, плагиат, аллюзия), либо отношению производности, деривации (пародия и стилизация). Каждое из этих отношений обнаруживается в творчестве Л. Лагина, основным приемом которого является заимствование у писателей-предшественников, как русских, так и зарубежных, отдельных элементов повествования, сюжетообразующих идей или фабульной канвы, но подвергающихся при этом существенной трансформации, подчиненной новым творческим нуждам и потребностям.

Л. Лагин часто использует «цитаты» из газет или отчетов («Патент "АВ"», «Атавия Проксима», «Остров Разочарования», «Белокурая бестия»), но характерной их особенностью является то, что они остаются частью произведения, созданной автором, а не связывают текст с чем-то внешним, то есть сохраняют произведение по-прежнему герметичным по отношению к себе.

Референтную форму отсылок к произведениям предшественников Л. Лагин также использует неоднократно: в повести «Майор Велл Эндью» (1962) он открыто сообщает, что сюжет ее напрямую связан с романом «Война миров» Г. Уэллса, в романе «Голубой человек» главный герой предлагает собеседнику (а заодно и читателю) обратиться к опыту знакомства с романами М. Твена и Сватоплука Чеха, в которых описывается подобный поворот событий. Такие отсылки не только облегчают «введение в курс дела», как в первом примере, но и помогают типизировать сюжет, ставя его в один ряд с уже известными, как во втором случае.

Можно назвать, как минимум, одно официальное обвинение в плагиате, которое предъявляли Л. Лагину. Оно было выдвинуто в начале 1950-х годов в отношении романа «Патент "АВ"» (1947), который некоторые критики посчитали «списанным» с романа А. Беляева «Человек, нашедший своё лицо» (1940). Однако, во-первых, роман Л. Лагина возник на основе его же рассказа «Эликсир Сатаны» (1935), написанного еще до создания произведения А. Беляева, а во-вторых, несмотря на то, что завязка в произведениях Л. Лагина и А. Беляева действительно

демонстрирует определенную близость, весь дальнейший сюжет развивается в них по своей собственной линии.

Вопрос о том, можно ли считать плагиатом переключки самого известного произведения Л. Лагина, повести-сказки «Старик Хоттабыч» (1-ая редакция – 1938 г.), с «Медным кувшином» (1900) Ф. Энсти, довольно спорный. С одной стороны, между ними обнаруживаются некоторые сходства, например, в общей сюжетной канве или в описании манеры джиннов общаться; с другой стороны, настолько советским духом проникнуто всё существование героев «Старика Хоттабыча», что говорить о сколько-нибудь полноценном копировании английского романа, отражающего реалии викторианской эпохи, смысла просто нет. Кроме того, плагиат подразумевает полное копирование оригинального авторского произведения, а не представление новой вариации на тему мифологического или фольклорного сюжета (в основе «Медного кувшина» лежит популярная сказка из сборника «Тысяча и одна ночь»).

Анализ текстов Л. Лагина позволяет выявить в них переключки с такими авторами, как, например, Жюль Верн и Редьярд Киплинг. Не воспроизводя механически разработанные этими писателями сюжеты, Л. Лагин вместе с тем, безусловно, перенимает у них некоторые идеи, образы и мотивы. Данная форма заимствования относится к такой форме интертекстуального взаимодействия, как аллюзия – непрямая цитата, косвенная отсылка, которая, с одной стороны, воздействует на память читателя, а с другой, не нарушает непрерывность текста. И если какой-либо формальный элемент исходного произведения может быть сохранен практически дословно, то смысл подвергается полной инверсии, что делает аллюзию более эффектной и действенной. Такие «комплексные» аллюзии свойственны многим произведениям Л. Лагина.

Например, очевидна связь между «Атавией Проксимой» (1956) Л. Лагина и романом Ж. Верна «Гектор Сервадак. Путешествия и приключения в околосолнечном мире» (1877). Но, несмотря на отдельные похожие фрагменты, произведения эти, по факту, объединяет только

концепт оторванности от мира, метафорический отрыв от обитаемой части вселенной и пребывание в совершенно герметичной реальности со своими физическими законами и своими социальными устоями. Ж. Верна в первую очередь интересуется динамика «географическая», связанная с материальным движением объектов относительно друг друга, в котором самое значительное – это познание окружающего мира. Советским же автором во главу угла ставится динамика духовная и социальная, движение нематериальное – вглубь сознания, цель которого – познание себя, вопрос об изменении людей, особенно пластичности их разума и готовности меняться и подстраиваться под новое в условиях трансформирующегося окружения.

Памфлет Л. Лагина «Белокурая бестия» (1963) заимствует идею о воспитании «детёныша» человека волками из «Книги джунглей» (1894) Р. Киплинга, хотя, без сомнения, сюжеты о жизни людей с животными – это кочующие сюжеты, уходящие корнями вплоть до мифа о Ромуле и Реме, вскормленных волчицей. Кроме того, герои романа Р. Киплинга – звери, похожие на людей, а герои памфлета Л. Лагина – люди, потерявшие свою человеческую сущность, уподобленные зверям в самом плохом смысле этого слова.

Основные типы взаимодействия текстов в рамках деривации на примере творчества Л. Лагина рассмотрены в диссертации достаточно кратко, поскольку они непосредственно связаны с производным текстом и являются лишь вспомогательным элементом художественной структуры. К примеру проявления пародийного типа интертекстуальных отношений в некоторой степени можно отнести повесть-сказку «Старик Хоттабыч», где арабский антураж в советском пространстве служит для комедийного эффекта и увеличивает дополнительную дистанцию между разными типами мышления. Стилизация же – это имитация «гипотекста», в чём Л. Лагин, несомненно, преуспел. В его творчестве можно встретить практически любой жанровый шаблон, который он подвергает переосмыслению в рамках поставленных художественных задач.

Во второй главе – «Фантастическая литература в России» – рассмотрены традиции фантастики логической посылки в русской и советской литературе в целом, а также выявлено влияние Г. Уэллса на отечественных предшественников Л. Лагина.

В первом параграфе данной главы, «Развитие рациональной фантастики в русской литературе», дан краткий очерк развития фантастической литературы в России и охарактеризованы ее специфические особенности.

Показано, что русская фантастика первоначально существовала в «синкретизме» с социальной утопией (для немногих фантастических опытов XIX века характерна гражданственно-просветительская направленность). Синтез научно-технического материала с социальными темами происходит только на рубеже XIX – XX веков. Советская фантастика, наоборот, была вдохновлена пафосом преобразования мира, хотя к середине XX века в связи с требованием изображения «ближайшего будущего» в ней начинают преобладать популяризаторские тенденции.

Их наличие не помешало, однако, превращению фантастики логической посылки в полноправную часть художественной литературы, имеющую разнообразное сюжетное и идейное наполнение. Указанная трансформация происходит в 60-е годы минувшего столетия.

Во втором параграфе – «Влияние Г. Уэллса на русских и советских писателей» – подробно рассмотрено, каким образом творчество Г. Уэллса прямо или косвенно повлияло на всю фантастическую литературу в России на этапе ее становления, оказав, в частности, воздействие на таких русских и советских авторов, как А. Куприн, В.Я. Брюсов, А.Н. Толстой, А.Р. Беляев, М.А. Булгаков, А. Богданов-Малиновский, Н. Олигер, Н. Чаадаев, Е. Замятин.

Учитывая специфику ситуации в России в анализируемый период времени, русскую фантастическую литературу логической посылки можно условно разделить на две группы. Первая группа текстов касается проблем современного им мира и чаще всего затрагивает тему организации и

стимулирования мировой революции (в максимально объемных масштабах). Кроме того, писателей, чьи произведения можно отнести к данной группе текстов, волнуют процессы стремительного развития научной мысли и психологической готовности человека к ней. Особое внимание они уделяют формированию нового человека, обладающего совершенно иным складом ума, резко отличающимся от традиционного.

Хотя Г. Уэллс был социалистом фабианского толка, категорически не принимавшим марксистскую идею революционной борьбы и необходимости диктатуры пролетариата, во многих своих произведениях («В дни кометы», 1906; «Освобожденный мир», 1914; «Люди как боги», 1923; «Современная утопия», 1905) он излагал взгляды на идеальное государство социалистического типа, в котором главенствующую роль играет интеллектуальная элита. Закономерно поэтому, что Г. Уэллс создал ряд текстов, осмысляющих проблему формирования устойчивого научного сообщества и строящихся вокруг образа гениального учёного – героя нового типа («Машина времени», 1895; «Остров доктора Моро», 1896; «Человек-невидимка», 1897; «Первые люди на Луне», 1901; «Пища богов», 1904).

На рубеже XIX – XX веков наука переживает расцвет и, с одной стороны, роль учёного в обществе возрастает, растёт его ответственность за влияние на судьбы людей, а с другой – возникает пропасть между учёным и обывателем, которую очень трудно преодолеть. Поднимаемые английским фантастом вопросы научного прогресса и готовности общества к социальным переменам неоднократно затрагивались и в русской литературе, часто на почве полемики с идеями Г. Уэллса.

Так, в рассказе А. Куприна «Жидкое солнце» (1912) рассказывается о том, как учёный в попытках осчастливить человечество становится причиной грандиозной катастрофы. Отстаиваемая А. Куприным идея о необходимости нести ответственность за последствия грандиозного научного открытия созвучна основной концепции романа Г. Уэллса «Пища богов».

В «Гиперболоиде инженера Гарина» (1927) А.Н. Толстого заглавный герой, с его жаждой власти и аморальным эгоизмом, очень напоминает Гриффина из романа Г. Уэллса «Человек-невидимка». Кроме того, А.Н. Толстой в романе «Аэлита» (1923), как и Г. Уэллс, обращается к теме контакта с иными цивилизациями и устройства социальной системы на других планетах (у Г. Уэллса данная тема воплощена в романе «Первые люди на Луне», опубликованном в 1901 г.).

А. Беляев унаследовал от Г. Уэллса черты, свойственные «мягкой» фантастике: остросоциальную проблематику и глубокую проработку межличностных конфликтов. Это видно, в частности, на примере сходства в сюжетном, идейном и образном плане романов А. Беляева «Голова профессора Доуэля» (1937) и «Человек-амфибия» (1928) с романами Г. Уэллса «Остров доктора Моро», «Человек-невидимка» и «Пища богов», в которых проводятся эксперименты над живыми существами. В названных романах авторы не только описывают то, что происходит во время соответствующих «операций», но и касаются психологических, моральных и этических сторон вмешательства человека в природу.

В произведениях М.А. Булгакова «Роковые яйца» (1924) и «Собачье сердце» (1925) сюжет строится по методу экстраполяции фантастического допущения, который является одним из излюбленных приёмов Г. Уэллса. В «Роковых яйцах» русский писатель прибегает к прямому заимствованию сюжета романа «Пища богов» Г. Уэллса, а в «Собачьем сердце» роль фантастической посылки выполняет гипотеза об очеловечивании животного путем хирургической операции, как это было в романе «Остров доктора Моро». Но если М.А. Булгаков всегда выступает против насилия над природой и «форсирования» процесса постижения ее тайн, то для Г. Уэллса аналогичные действия воплощают в некоторых случаях «научную смелость, оправданный и необходимый риск»³.

Произведения второй группы русской фантастической литературы,

³ Голубович Н.В. Художественные модели реальности в прозе М. Булгакова 1920х гг. и принципы их создания // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2013. № 4. С. 51.

возникшие на волне революционных настроений и стремления к активному переустройству мира, описывают как положительные, так и отрицательные черты различных социальных и футурологических проектов, а потому несут в себе утопические и антиутопические элементы.

Г. Уэллс верил в то, что будущая утопия будет достигнута путем рационального соглашения людей, но перед этим человечеству необходимо будет пройти через горнило разнообразных испытаний, зачастую катастрофического характера (в романе «В дни кометы» таким испытанием является падение метеорита, в романе «Освобожденный мир» – атомная война, в романе «Люди как боги» – перенесение в параллельный мир). Эта позиция близка и советским авторам, но для них страдания – оправданная и необходимая плата за движение к светлому будущему, в то время как для английского автора они лишь катализатор освобождения внутренних сил, необходимый для воплощения в жизнь того, что давно назрело в теории.

Иллюстрируя данное различие, можно указать на роман А. Богданова-Малиновского «Красная звезда» (1908) – первую утопию, окрашенную «пафосом пролетарского освободительного движения».⁴ А. Богданов противопоставляет «гармоническую и разумную культуру» марсиан «бурной, юношеской земной культуре, которой гораздо труднее достигнуть гармонии, но которая обещает нечто гораздо более богатое»⁵. Это представляется концептуальной отсылкой к «Войне миров» Г. Уэллса, изображающей рационалистическую и лишенную эмоций расу инопланетян, прилетевших с Марса. Кроме того, в обоих романах толчком к поиску нового места «жительства» для марсиан становятся неблагоприятные природные условия родной планеты. Наконец, многие технические чудеса будущего также в той или иной степени позаимствованы А. Богдановым у английского автора.

В некоторых из своих романов-предупреждений, например, в

⁴ Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука, 1970. С. 51.

⁵ Там же.

«Машине времени», «Когда спящий проснётся», «Первые люди на Луне», Г. Уэллс говорит о будущем в том виде, которого он боится и не хочет видеть реализованным. Наряду с этим Г. Уэллс много внимания уделяет и общественным проблемам современного ему западного мира, критикует тенденции его развития, разрушительные для будущего. Данные темы раскрываются, например, в таких произведениях, как «Война миров» (1898), «Когда спящий проснётся» (1899), и частично – в романе «В дни кометы».

Но и русские авторы уже в начале минувшего века осознавали проблемы, которые возникнут, когда мир вступит в эру светлого «завтра». Например, Н. Олигер в «Празднике Весны» (1910) задумался о драме интеллектуальной неравноценности в социально освобожденном обществе, поскольку не мог принять характерного для Г. Уэллса гипертрофированного интеллектуального элитизма, воспетого, в частности, в «Современной утопии».

Н. Чаадаев, напротив, в романе «Предтеча» (1917) выдвинул очень близкую Г. Уэллсу идею о перестройке общества через «научную» трансформацию духовного мира отдельного индивида, сопровождаемую инкубаторным воспитанием гениальной элиты, которая должна была заняться преобразованием действительности. Следует признать, что оба автора не видели ничего зазорного в насильственном «насаждении» счастья, если впоследствии это приводило к положительному результату.

Этого же вопроса, но уже с точки зрения пагубности «насаждения» счастья, касался и Евгений Замятин в романе «Мы» (1920), в котором люди превращаются в простые детали социального механизма, обесцененный, легко заменяемый «расходный материал».

Пессимизм в отношении будущего, реализовавшего худший сценарий возможного развития событий, демонстрирует роман Г. Уэллса «Когда спящий проснется», где одна диктатура посредством переворота сменяется другой. Еще более мрачные прогнозы содержатся в романе Г. Уэллса «Машина времени», рисуящем общество, разделенное на беззаботных

элое и их «обслуживающий персонал» – морлоков. Схожие предвидения воплощены в романе А. Богданова «Инженер Мэнни» (1913), где социальная дифференциация построена на жёсткой дифференциации «элиты» и «низов», лишаящих представителей последних осмысленного существования.

В романе «Первые люди на Луне» Г. Уэллс рассматривает проблему излишней специализации людей, приводящей к максимальной разобщённости отдельных индивидуумов одного сообщества, превращая профессиональные касты в разные биологические виды. Подобных вопросов касается и антиутопия В.Я. Брюсова «Республика Южного Креста» (1904–05). И английский, и русский автор видят в существующих тенденциях развития капиталистического общества угрожающие перспективы, ведущих людей к разделению на невзаимодействующие классы, деградации и вырождению.

В третьей главе диссертации, «Влияние творчества Г. Уэллса на произведения Л. Лагина», подробно рассматриваются типологические и родственные связи произведений английского и советского писателей.

В первой части третьей главы исследуются три произведения Л. Лагина, так или иначе берущие своё начало из конкретных фантастических романов Г. Уэллса: «Патент "АВ"» – из «Пищи богов», «Майор Велл Эндью» – из «Войны миров», «Голубой человек» – из «Машины Времени».

В первом параграфе – «"Пища богов" (1904) Г. Уэллса и "Патент "АВ" (1947) Л. Лагина» – речь идёт о связи двух романов, имеющих в своей основе сходное научно-фантастическое допущение о возможности искусственным образом ускорять рост живых организмов. Таким образом, визуализируя понятие роста, переходя от его буквального значения к метафорическому, названные произведения раскрывают актуальную тему взаимодействия личности и толпы, освещают роль науки в современном обществе, рассматривают проблемы столкновения традиционного и новаторского.

Важным в них является мотив ответственности учёного за сделанные им открытия, соотносящийся с проблемой неспособности общества воспринимать то новое, что готова принести в мир наука. Кроме того, и то, и другое произведение поднимают вопрос противоборства религии и научного знания за «разделение сфер влияния», в обоих текстах поднимается вопрос о разложении института церкви.

В романе Л. Лагина отсылки к «Пище богов» очевидны, помимо прочего, в особенностях построения системы персонажей. На взаимоотношениях посредственной среды и гениальной индивидуальности происходит построение дихотомии понятий «положительный – отрицательный».

Важно подчеркнуть, что Л. Лагин не останавливается на простом перенесении сюжета, персонажей и атмосферы «Пищи богов», а идет дальше «исходного материала», перерабатывает его. Здесь проявляется его излюбленный прием – отход от константных параметров художественного мира другого произведения и создание нового эстетического качества путем их варьирования.

Во втором параграфе – «"Война миров" (1898) Г. Уэллса и "Майор Велл Эндью" (1962) Л. Лагина» – анализируются произведения, объединенные не только сюжетно и тематически (в обоих случаях речь идет о борьбе землян с инопланетными захватчиками), но и генетически.

Последнее обстоятельство обусловлено тем, что в своем тексте Л. Лагин прямо ссылается на Г. Уэллса как на предшественника и строит повествование таким образом, что события «Войны миров» играют в нем роль реального исторического факта, актуального для каждого из персонажей.

Бесспорно жанровое сходство указанных произведений. «Война миров» – это мемуары очевидца, написанные после окончания спровоцировавших их событий. «Майор Велл Эндью» – это дневниковые записи очевидца, сделанные во время происходящего и обладающие оттенком «репортажности». Таким образом, герой Г. Уэллса, в отличие от

центрального субъекта повествования у Л. Лагина, имеет возможность в процессе рассказывания сталкивать и сопоставлять свои нынешние и прежние переживания.

В системе персонажей произведения Г. Уэллса намечено явное противопоставление положительного героя-деятеля демагогам, способным только на рассуждения. У Л. Лагина склонный к рефлексии главный герой, наоборот, окружен персонажами, готовыми действовать.

Сюжетно-композиционное построение «Войны миров» и «Майора Велла Эндью» внешне схоже: вторжение марсиан – борьба людей с марсианами – развязка. Вопрос только в том, на чьей стороне оказывается персонаж и как расценивает он финальный поворот сюжета: если он на стороне землян, то их победа закономерно оказывается и его победой, а если он коллаборационист, сотрудничающий с марсианами, то победа землян становится для него поражением.

Различие же идейного посыла и концептуального содержания произведений проявляется даже в названии. Заглавие «Война миров» настраивает читателя на ознакомление с текстом, в котором говорится о столкновении двух диаметрально противоположных точек зрения на мир – рациональной и эмпирической, утилитарной и гуманистической. Личное имя в названии повести «Майор Велл Эндью» можно перевести фразой: «Ну, а ты как?» («Well and you?»). Следовательно, уже в заглавии своего произведения Л. Лагин ставит вопрос морально-нравственного выбора. Полемизируя с Г. Уэллсом, он доказывает, что для возникновения ситуации выбора нет надобности в инопланетном вторжении: решать ту или иную нравственную дилемму человеку приходится и в тех случаях, когда он, например, подвергается искушению властью, комфортными условиями жизни и т.п.

В третьем параграфе первой части – «"Машина Времени" (1895) Г. Уэллса и "Голубой человек" (1964; 1967)⁶ Л. Лагина» –

⁶ Впервые отрывок романа был опубликован под названием «Счастье» в газете «Литературная Россия», 6 ноября 1964 (№ 45, С. 3-5.), сокращенный вариант романа

анализируются произведения, связанные сюжетом путешествия во времени (путешествия эти являются, правда, разнонаправленными: Г. Уэллс отправляет своего героя в будущее, а Л. Лагин – в прошлое, к тому же довольно близкое).

Путешествие во времени сочетается у обоих писателей с мотивом противостояния масштабному злу, роль которого в «Машине времени» отведена морлокам, а в «Голубом человеке» такому государственному строю, как царизм.

В отличие от Г. Уэллса, Л. Лагин отходит от концепции наукообразности фантастики в пользу «необъяснения» чудес (его герой попадает в прошлое сказочным образом, не используя какую-либо технику). Перемещение из одного времени в другое является для него всего лишь удобной возможностью показать пагубность капиталистического строя.

В ходе сопоставительного анализа «Войны миров» и «Голубого человека» становится ясно, что эти произведения в большей степени нацелены на критику современного авторам жизнеустройства, чем на футурологические или ретроспективные фантазии. Роман Г. Уэллса хоть и изображает будущее, предостерегает от возможных последствий развития уже существующих в капиталистическом мире тенденций. Роман Л. Лагина, в свою очередь, критикует советскую действительность 1960-х годов через ее сопоставление с романтизированными идеалами революционного прошлого.

Во второй части третьей главы изучена связь общих идей и концепций авторов и отличие их точек зрения на одни и те же мировоззренческие вопросы. В частности, при анализе романов «Остров доктора Моро» (1896) Г. Уэллса и «Патент "АВ"» (1947) и «Остров Разочарования» (1951) Л. Лагина рассматриваются постановка в них вопросов этики и морали, воплощение мотивов ответственности ученого и

результатов использования научного изобретения, преломление проблем взаимодействия религии и науки в условиях современного общественного устройства. При сопоставлении романов «В дни кометы» (1906), «Война в воздухе» (1908) и «Освобожденный мир» (1914) Г. Уэллса и «Остров Разочарования» (1951) и «Атавия Проксима» (1956) Л. Лагина акцентируется внимание на специфике создания образов бессмысленной и предельно катастрофичной мировой войны. Важно, что все эти аспекты затрагивались указанными авторами на протяжении всего творческого пути, часто – довольно схожими способами, что представляет, безусловно, существенный интерес. Особенно часто Г. Уэллс и Л. Лагин опирались на метод фантастической посылки, при котором некоторое фантастическое допущение позволяет свободно развивать какую-либо идею, гиперболизировать ее, порой доводя до абсурда и таким образом делая ее максимально объемной и зримой.

В первом параграфе – «"Остров доктора Моро" (1896) Г. Уэллса в соотнесении с "Патентом "АВ"" (1947) и "Островом Разочарования" (1951) Л. Лагина» – внимание уделяется сразу двум произведениям Л. Лагина, истоки которых находятся в одном романе Г. Уэллса. Следует сразу отметить, что в данном случае Л. Лагин заимствует некоторые детали сюжета, топики и системы персонажей, не ставя перед собой цели воспроизвести основную идею исходного романа.

Сюжетная канва романа Г. Уэллса сводится к тому, что некий ученый проводит эксперимент по созданию новой расы и закреплению в новом обществе определенных социальных отношений. Для этого он разрабатывает примитивный культ, в центре которого он сам – как божество, которое одновременно является и всеблагим создателем, и безжалостным судьей, сурово карающим за любое нарушение им же установленных правил. Схожие сюжеты мы наблюдаем в романах Л. Лагина «Патент "АВ"» и «Остров Разочарования». Однако в последнем тексте полудикие аборигены самостоятельно вырабатывают устойчивую форму социального устройства, создавая своего рода идеальную

первобытную коммуны. Л. Лагин в этом случае выступает как приверженец идеи изначального стремления людей к созданию максимально разумной формы межличностных отношений.

Во всех трех произведениях можно выделить идентичную модель построения системы персонажей, представляющую собой своего рода аллюзию на ветхозаветное соположение Бога-творца и его творений. Демиург создает новый вид существ и дает им закон, за нарушение которого сурово карает. В этой «религии» нет места любви и уважению, всё сводится к преклонению перед грубой силой. Вторжение в привычный мир нового персонажа, пришедшего откуда-то извне, можно расценивать как символическое пришествие Спасителя, который должен показать «адептам» ложность их прежнего Бога. Каждый из персонажей-творцов олицетворяет собой космическую силу, чуждую этике и не задающую вопросов о правильности и моральности своих поступков. Образ потенциального Спасителя помогает поставить вопрос об этической составляющей любых социальных процессов, в особенности тех, которые совершаются людьми целенаправленно.

Сходство всех трех романов обнаруживается и в разворачивании действия в вымышленном, но детально описанном замкнутом пространстве, которое, во-первых, выступает в качестве лаборатории по проведению эволюционного эксперимента, а во-вторых, оттеняет фантастичность событий.

Во втором параграфе – «"В дни кометы" (1906) Г. Уэллса и "Атавия Проксима" (1956)⁷ Л. Лагина» – обосновывается концептуальная и сюжетная близость указанных произведений.

Смысловой стержень обоих романов – резкая перемена в привычном укладе жизни людей, спровоцированная космической катастрофой. В романе Г. Уэллса после падения необычной кометы начинается век

⁷ Первая публикация романа – 1956 год; в 1963 году под названием «Полет в никуда» была опубликована дополнительная глава, отсутствовавшая в первоначальном варианте «Атавии Проксимы» (Искатель, 1963. № 1. С. 98-112.). В 1972 году в исправленном и дополненном виде роман опубликован под названием «Трагический астероид».

утопии, характер которой позволяет сказать, что на человечество с неба в буквальном смысле снизошла благодать. В романе Л. Лагина в результате катаклизма мир людей тоже претерпевает изменения, двигаясь вверх и в буквальном, и в метафорическом смысле. Но, по мнению Л. Лагина, благо нужно заслужить, оно не может просто так быть даровано свыше, как это случилось в романе Г. Уэллса.

В чём оба романа схожи принципиально – так это в том, как подробно и детально они изображают иррациональность социального и политического устройства человеческой жизни, зависящей исключительно от идеи прибыли.

Вместе с тем «интенсивность» футурологического оптимизма в них, безусловно, выражена по-разному. Если Г. Уэллс говорит о моральном преобразовании человечества, которое может произойти или в результате очень длительной эволюции, или при наличии определенного катализатора, то Л. Лагин выражает уверенность, пусть, может быть, и декларативную, что люди вполне способны построить утопическое светлое будущее самостоятельно и очень скоро.

Третий параграф второй части – «"Война в воздухе" (1908) и "Освобожденный мир" (1914) Г. Уэллса в соотнесении с "Островом Разочарования" (1951) и "Атавией Проксимой" (1956) Л. Лагина» – посвящен сопоставительному изучению данных произведений.

Оба автора воспринимают любую войну, мировую или локальную, как событие, совершенно бессмысленное по своей сути для всех, кроме тех, кто наживается на ней. Часто её инициаторами становятся те, кто имеет возможность наблюдать войну с безопасной дистанции. Но воздушные войны, впервые предсказанные Г. Уэллсом и подробно описанные Л. Лагиным в «Атавии Проксиме», стирают расстояние не только между странами, но и между континентами, нейтрализуя оппозицию «фронта» и «тыла», опасного и безопасного пространства.

В романах Г. Уэллса «Война в воздухе» и Л. Лагина «Остров Разочарования» появляется образ «миниатюрной» войны, которая как бы

повторяет боевые действия мирового масштаба в пределах замкнутой маленькой территории. И у Г. Уэллса, и у Л. Лагина символическим отражением всей земли выступает маленький остров, где каждый персонаж олицетворяет какую-либо социальную группу. С помощью, условно говоря, литоты оба автора обнажают абсурдность и нелепость тех конфликтов и противоречий, которые служат причинами большинства военных конфликтов.

Г. Уэллс и Л. Лагин отстаивают мысль о том, что глобальная война невозможна при отсутствии достаточно мощного оружия. Они понимают негативные последствия развития атомных технологий и стремятся наглядно продемонстрировать, что вся цивилизация может быть погублена ее же изобретениями, если техническое развитие человечества существенно опередит моральное.

В своих произведениях Г. Уэллс и Л. Лагин показывают, что война может возникнуть только на специально подготовленной социальной почве. Они выделяют две причины изменения массового сознания в пользу войны. Первая причина – это капитализм как порочная форма социального устройства, создающая множество предпосылок для возникновения конфликтов за ресурсы и сферы влияния. Вторая причина – искусственное формирование общественного мнения различными путями, но в основном через пропаганду в СМИ и деятельность религиозных институтов (чаще всего обе причины тесно связаны между собой).

Создавая образ мировой войны, Г. Уэллс и Л. Лагин обращаются к фигуре всезнающего автора и выстраивают систему персонажей на основе их дуального разделения (протагонисты – простые люди, борющиеся с несправедливостью, антагонисты – правящая элита либо «люди толпы»). Наряду с этим они широко используют прием инкорпорирования квазидокументальных свидетельств в художественное повествование (например, описание настроений в народных массах дается сквозь призму газетных заголовков).

Таким образом, несмотря на то, что, создавая названные романы,

Г. Уэллс и Л. Лагин опирались в своих пацифистских и антимилитаристских представлениях на разные исторические факты (Г. Уэллс был свидетелем локальных конфликтов, предшествующих Первой мировой войне, а Л. Лагин – непосредственным участником Второй), оба они, проникая в суть войны, понимали ее практически одинаково и при создании ее образа воплощали в своих произведениях схожие идеи, мотивы и структурные элементы.

В заключении исследования сформулирован ряд выводов, среди которых можно выделить два ключевых тезиса.

1. Русских последователей Г. Уэллса нельзя считать эпигонами, слепо копирующими достижения и находки предшественника. Варьируя исходные уэллсовские тексты, они, как правило, привносили в их трактовку нечто свое, оригинальное, обусловленное как личным мировоззрением, так и господствующим социальным заказом.

2. По структуре, стилистике, проблематике, широкому использованию схожих образов и мотивов произведения Л. Лагина во многом коррелируют с книгами Г. Уэллса. При этом в общечеловеческих вопросах советский автор солидарен с английским, хотя конкретные повествовательные схемы и формулы, заимствованные у Г. Уэллса, Л. Лагин может наполнять отличающимся идейным содержанием, подчас даже противоположным.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях:

Научные статьи, опубликованные в ведущих периодических изданиях, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Уставщикова В.А. Общность критической теории в фантастическом романе «Патент АВ» Л. Лагина (1946) и фильме «Левиафан» А. Звягинцева (2014) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. №2. С. 249–253.
2. Уставщикова В.А. Рецепция романа Г. Уэллса «Остров доктора Моро» в творчестве Л. Лагина // Вестник Брянского государственного университета. 2017. №1 (31). С. 225–229.
3. Уставщикова В.А. Образ мировой войны в фантастических романах Г. Уэллса и Л. Лагина // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 480–485.

Публикации в других научных изданиях:

4. Уставщикова В.А. «Машина времени» Г. Уэллса в рецепции советских фантастов: Л. Лагин «Голубой человек», А. и Б. Стругацкие

«Попытка к бегству» // Международная научно-практическая конференция «Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества», XX-я Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки: Материалы докладов / Отв. за вып. Зверева И.А. Княгинино: НГИЭУ, 2015. С. 231–234.

5. Уставщикова В.А. Герберт Уэллс и русская фантастическая литература первой половины XX века (к вопросу о специфике художественных взаимоотношений) // Аксиология славянской культуры: международный сборник научных статей молодых ученых, аспирантов, студентов. Нижний Новгород: Мининский университет, 2017. С. 150–156.

6. Уставщикова В.А. Научная фантастика как способ отражения мира: сравнительный анализ романов «Пища богов» Г. Уэллса (1904) и «Патент АВ» Л. Лагина (1947) // Студенческий научный журнал «Грани науки». 2015. Т. 3, № 3. С. 83–86.

7. Уставщикова В.А. Образ учёного в зарубежной и русской фантастической литературе XIX – XX вв. // XXIV Международная молодёжная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов»: Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] М.: МАКС Пресс, 2017. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см.

8. Уставщикова В.А. Отражение образа провинциального сознания в фантастическом романе Л.И. Лагина «Патент АВ» // «Жизнь провинции: история и современность»: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. / М-во образования Российской Федерации, Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, Центр литературного краеведения, Нижегородская гос. обл. универсальная науч. б-ка им. В. И. Ленина ; [редкол.: Уртминцева М. Г. (отв. ред.), Янина П. Е.]. Н. Новгород: Книги, 2015. С. 128–133.

9. Уставщикова В.А. Повесть А. и Б. Стругацких «Второе нашествие марсиан» в контексте предшественников: Г. Уэллс, Л. Лагин // XIX Нижегородская сессия молодых ученых: гум. науки [сессия посвящ. 300-летию со дня основ. Нижегор. губ.: доклады] / Отв. за вып. И.А. Зверева. Княгинино: НГИЭИ, 2014. С. 133–135.

Подписано в печать 12.03.2019. Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 1. Заказ № 138. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского.
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37.

